
Полюби
меня
в снегопад
САНДРА НЕННИНГЕР

Молодежная романтика. Cozy Love

Сандра Неннингер

Полюби меня в снегопад

«Азбука»
2025

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Неннингер С.

Полюби меня в снегопад / С. Неннингер — «Азбука», 2025 — (Молодежная романтика. Cozy Love)

ISBN 978-5-389-35643-6

Исключение из лыжной сборной — худший подарок на Рождество! За что мне все это? Остается возвратиться домой и зализывать раны… Но и там притаилась новая катастрофа! Родители заставляют помогать в семейной лыжной школе, а напарником поставили Генри — заносчивого бездельника, одним своим видом раздражающего до кончиков варежек. Ах да, забыла сказать! Наш пижон не умеет кататься на лыжах. Совсем. И теперь мне придется его обучать, чтобы не получить неприятностей на свою голову. Но я устрою Генри настоящую проверку на прочность, и его не спасут теплая улыбка и веселый блеск в глазах. И мое сердце ни за что не растает… наверное.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-389-35643-6

© Неннингер С., 2025
© Азбука, 2025

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 14
Конец ознакомительного фрагмента. 18

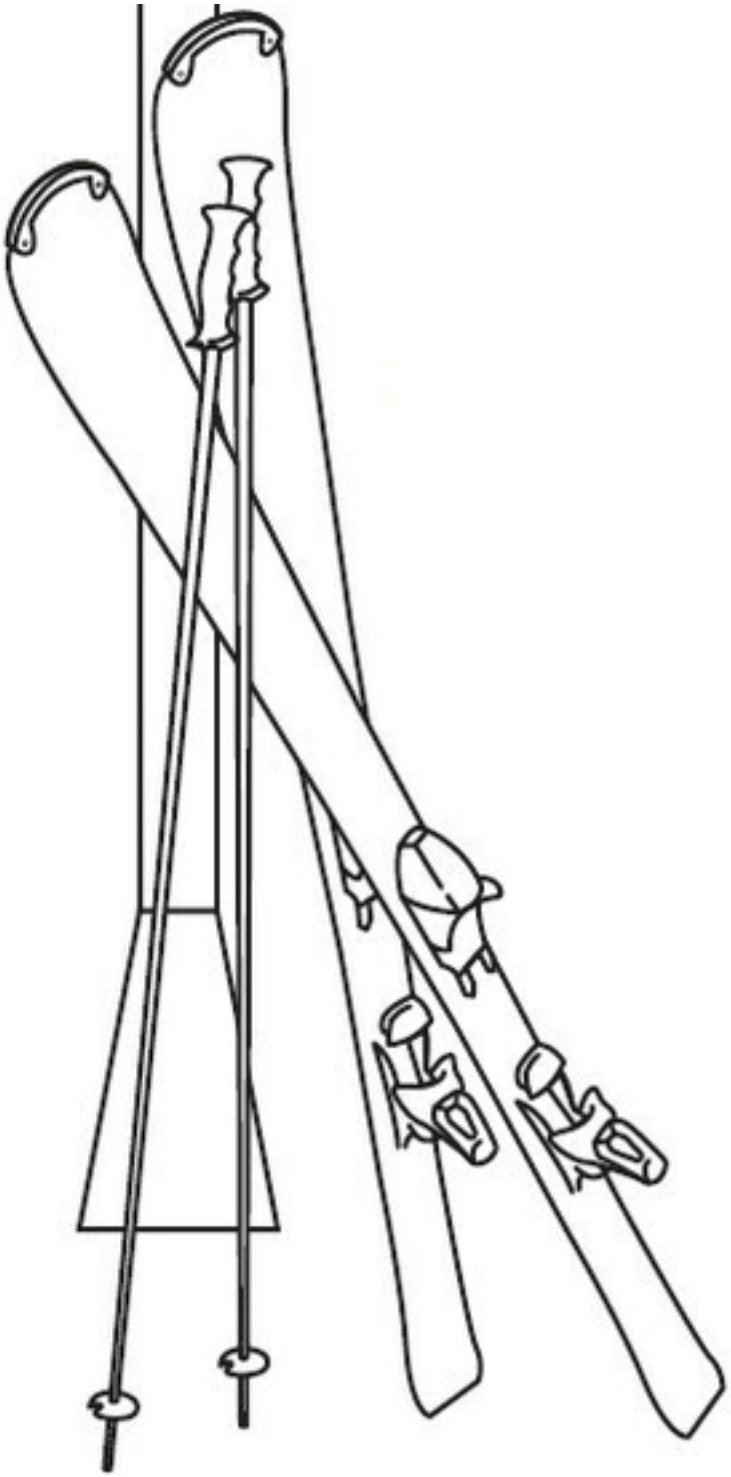
Сандра Неннингер
Полюби меня в снегопад
Роман

Sandra Nenninger
Love Me in the Snow

* * *

Copyright text © 2025 by CARLSEN Verlag GmbH, Hamburg, German
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026 «Махаон»®
First published in Germany under the title LOVE ME IN THE SNOW, text by Sandra Nenninger
All rights reserved

* * *

Глава 1
10 декабря

Я притягиваю неприятности, словно магнит. Вот старуха Пихлингер ест свой бутерброд с яйцом рядом со мной. Почему ей пришло в голову начать есть именно сейчас, когда автобус едет в гору по серпантину? Меня и так тошнит, а теперь еще и это…

Почему это постоянно происходит со мной, скажите на милость? Именно сегодня в тот же автобус зашла и Пихлингер, сделавшая все покупки в городе, и теперь тоже едет домой. А я ведь нарочно искала автобус, который отправляется в обед, потому что на нем обычно едут в основном туристы. Разумеется, она села рядом со мной и начала болтать без умолку. Время от времени я кивала и слабо улыбалась. Сейчас наступила передышка, но только потому что она решила перекусить. Желток крошится и падает ей на колени. Я вздыхаю и смотрю в окно.

Заснеженный ландшафт, кристаллики снега и сосульки блестят на солнце так, что больно глазам, но передо мной точно пелена стоит. По щеке скатывается слеза, я поспешно ее стираю. Хоть бы Пихлингер ничего не заметила, потому что она жуткая сплетница. Мне бы очень хотелось быть где-то в другом месте, например на пляже под пальмами. Да неважно где, лишь бы подальше отсюда.

С шумом и ревом автобус преодолевает самый крутой отрезок пути. Я знаю эту дорогу наизусть. В голове все крутится одна и та же фраза: *Успеха ты не приносишь*. Она занимает мысли целиком. Хотя сейчас нужно думать о том, как максимально деликатно сообщить родителям о случившемся, ведь их единственная дочь, их надежда, была исключена из национальной сборной по лыжному спорту. «Успеха ты не приносишь», – коротко и ясно заявила Сюзанна, тренер сборной. На мои обещания тренироваться дольше, выполнять специальные задания рано утром и поздно вечером, доказать, что я достойна места в сборной, она только решительно покачала головой. Она положила руку мне на плечо и сказала: «Твое путешествие заканчивается здесь».

И вот я сижу в автобусе, в котором вообще-то должна была приехать домой только через две недели, когда начнутся рождественские каникулы. Но раз исключили из сборной, то и в интернате оставаться нет больше смысла. Зачем провоцировать остальных на пересуды и перешептывания за моей спиной? Положение и так невыносимо. Меня уже начали обходить чуть ли не за километр, будто я заразна. Я и так разочаровалась в самой себе, неужели они думают, что этого мне недостаточно? Я ведь тренировалась ради этой мечты с тех самых пор, как впервые встала на лыжи. Папа тогда сказал мне, что я многого достигну.

Мне было пять, когда я начала заниматься в местном лыжном клубе, в шесть я уже участвовала в своих первых соревнованиях, в восемь была включена в состав региональной команды. Приняла участие еще в нескольких крупных гонках, продолжая тренировки. Потом, наверное, почти все время проводила или на лыжне, или в командном автобусе на пути к новым соревнованиям. Я так это все любила! И когда меня, двенадцатилетнюю, приняли в национальную сборную, я думала, что у меня все получилось. Я прибыла туда, куда мне так хотелось! Ворота в большой спорт распахнулись настежь.

Но в итоге я забуксовала прямо около них. Успеха я не приношу. Как же будут разочарованы родители! Этого они мне в жизни не простят.

Так хотелось, чтобы автобус в этот раз ехал к пункту назначения хотя бы вдвое медленнее.

– Уже едешь домой, Мария? Каникулы ведь еще не начались? – отвлекает меня от мрачных мыслей Пихлингер. Бутерброд она доела и теперь пристально смотрит на меня, сощурив глаза.

Ух, вот и он. Тот самый вопрос, которого я так боялась, но его будет не избежать, потому что его непременно задаст мне и папа, которого я увижу меньше чем через час.

Я начинаю неловко ерзать на месте, пока Пихлингер сверлит меня взглядом.

– Да бабушка… – начинаю я, и Пихлингер тут же ахает, а ее глаза округляются.

– Что, что такое с Эммой?!

– Ничего серьезного, – спешу я успокоить старуху. – Ей стало нехорошо, но сейчас все в порядке.

Конечно, я солгала, и щеки у меня тотчас покраснели от стыда. Ничего, бабуля простит мне эту вынужденную ложь.

– Ох, я всегда ей говорила, что себя нужно щадить, – ворчит Пихлингер. – Не молоденькая ведь уже! Хоть бы раз о себе подумала, эта Эмма…

Я киваю:

– Рождество же на носу, и в ее пекарне работы невпроворот.

– И абсолютно очевидно: без помощи ей не обойтись. – Пихлингер теперь ласково улыбается мне. – Как хорошо, что у нее есть ты, – говорит она и слегка подталкивает меня в бок. Уголки моих губ ненадолго поднимаются чуть выше, но ком в горле как будто тяжелеет.

Автобус тормозит у предпоследней остановки, в салоне остаемся только мы с Пихлингер. Едем дальше, и вот я вижу шпиль церкви, затем заснеженные крыши. Фасады домиков украшают гирлянды, слепящие глаза. Почти дома. Сердце пропускает удар. Здесь я провела детство: летом гуляя на горных лугах с коровами и козами, зимой катаясь на лыжах и играя в снегу. Впервые я уехала далеко отсюда, когда перебралась в интернат.

Пихлингер внезапно начинает суетиться и торопливо прощается. А мне спешить абсолютно некуда. Я стою с рюкзаком у автобуса, вдыхая свежий горный воздух. Неожиданно кто-то сильно толкает меня сзади. Мне едва удается сохранить равновесие. Икру пронзает сильная боль.

– Ай! – вскрикиваю я, потирая ногу.

– Извините, – слышу я за спиной тонкий голосок. Обернувшись, я вижу девочку на санках. На ней красная спортивная манишка, какие выдают всем в нашей лыжной школе.

– Я тебе не подушка для торможения, – ворчу я.

Икра по-прежнему ноет. А маленькая хулиганка встает с санок и, схватив их за веревочку, бежит обратно в Страну Хуберта, центр присмотра за детьми при нашей лыжной базе. Страна Хуберта расположена прямо у холма, где начинают учиться кататься на лыжах. Называется она так, потому что там детей развлекает талисман лыжной школы – песик Хуберт с висячими ушами и ярко-желтой шерстью. Хубертом же его зовут, потому что фамилия нашей семьи – Хубертус. Все довольно просто.

Я хочу идти дальше, когда меня окликает водитель автобуса:

– А лыжи-то?

Ах да. У меня же, кроме рюкзака, еще кое-что было. Пусть я уже не в сборной, но это не значит, что я перестану кататься на лыжах. Как-никак, моим родителям принадлежит лыжная школа, так что и я никуда от этого не денусь. Вытаскиваю из салона автобуса тяжелую спортивную сумку.

– Ты ведь Мария Хубертус, лыжница? – вдруг спрашивает водитель немного смущенно. Я киваю.

Он достает из кармана список покупок и карандаш:

– Для моей дочери ты пример для подражания. Можно попросить для нее автограф? Ее зовут Лена, и она хочет стать профессиональной лыжницей. Совсем как ты.

Тяжело сглатываю и нетвердой рукой вывожу на обратной стороне списка покупок:

«Удачи тебе на лыжне, дорогая Лена. От Марии Х.».

Я делаю несколько шагов, но далеко уйти мне не удается.

– Быть не может, – слышу я издалека голос мамы. – Мария? Ты ли это?

Мама стоит у входа в Страну Хуберта. За руку она держит ту самую маленькую девочку, которая недавно в меня врезалась. От мамы у меня гладкие русые волосы. Только ее волосы завязаны в хвост красной резинкой, а я много месяцев пытаюсь придать своим больше объема, укладывая их феном. Безрезультатно.

– Мария! – Мама спешит ко мне, не выпуская руки девочки.

Я иду ей навстречу с рюкзаком и лыжами.

– Что ты здесь делаешь так рано? – спрашивает она, порывисто меня обнимая. Я вдыхаю знакомый мамин запах – она пахнет солнцезащитным кремом и пóтом. Прижимаюсь к ней крепче. Мне так этого не хватало. На глаза снова наворачиваются слезы, и вдруг я чувствую себя ребенком, забывшим выполнить домашнее задание и уже готовым во всем признаться, просто чтобы совесть не мучала. Но я смаргиваю слезы и отстраняюсь от нее.

Наглая девчонка снова врезается мне в ногу.

– Ай! – Оглядываюсь на нее. – Ты что это делаешь? Ну-ка прекрати!

Она отводит взгляд и рассматривает следы на снегу, будто вовсе ни при чем.

– Как я рада тебя видеть! – восклицает мама, целуя меня в щеку. – А папа-то как удивится.

Удивится, да. А еще у него будет много вопросов. И ответы на них ему совсем не понравятся. Сердце начинает колотиться как бешеное. Нужно убежать, спрятаться. Я передаю маме лыжи и лукавлю во второй раз за этот день:

– Я обещала бабушке, что забегу к ней в пекарню, как только приеду.

– Что? Эмма знала, что ты приедешь раньше? Что же такое случилось? Что-то серьезное?

– Чуть позже все расскажу, – обещаю я и спешу уйти.

Девчушка бросает в меня снежок. Не люблю я детей, особенно таких надоедливых. Посылаю маме воздушный поцелуй и скорее бегу прочь.

Я еще не вижу пекарню на Кипферльгассе, но уже чувствую этот сладкий запах миндаля, шоколада и изюма. Он витает над всей узкой улочкой. В витрине маленькой уютной лавочки стоят огромные пакеты с рулетами и печеньем, а над ними висят пузатые рождественские шары и красно-белые сахарные леденцы. Когда я толкаю дверь пекарни, знакомо звенит наддверный колокольчик. Меня окутывает тепло.

На прилавке выложена свежая выпечка: дрожжевые косички, булочки с изюмом, штоллены с маком и марципаном, белый и ржаной хлеб. Рядом небольшой шкафчик со сливочным маслом, молоком и яйцами. Через секунду из кухни появляется бабуля. Ее седые волосы заколоты розовой заколкой, лицо испещрено морщинами, из которых большинство – морщины смеха, в этом я более чем уверена.

– Пихлингер уже рассказала, что встретила тебя, – говорит она. Я могла бы и так догадаться. Деревня маленькая, все всё друг про друга знают, ничего не остается незамеченным.

– Без помощи мне никак не обойтись, – продолжает бабуля и лукаво добавляет: – Я ведь так слаба, по словам Пихлингер.

Я прикусываю губу: неловко все-таки вышло. Но бабуля только машет рукой.

– Иди же сюда, обнимемся.

Ставлю рюкзак в угол и бросаюсь в бабушкины объятья. Она крепко меня обнимает, затем отпускает и кивает в сторону кухни:

– Сливочное печенье или шоколадные колечки?

Я снимаю куртку и закатываю рукава. Хорошо, что бабуля ни о чем не выспрашивает.

– Давай колечки, – решаю я и хватаю с полки мешок с мукой.

Когда колечки готовы, я бросаю взгляд на часы. Ого, уже прошло три часа, а я и не заметила! Зато как мы хорошо потрудились: десять рядов тонких темно-коричневых шоколадных колечек лежат перед нами на столе.

– Идеально, – заявляет бабуля, очень довольная результатом. – У тебя прямо талант.

Я только головой качаю, опускаясь на стул. Нет у меня таланта ни к чему.

– Нет, в самом деле, – пылко заверяет меня бабушка. – Я знаю, о чем говорю. Как-никак больше пятидесяти лет пекарней управляю. Ты, можно сказать, чувствуешь ингредиенты, и колечки у тебя получаются ровные, аккуратные, завиток к завитку. Просто замечательно!

Честно говоря, я действительно очень люблю печь. Работа с мукой, яйцами и сахаром расслабляет меня и придает уверенности, как бы странно это ни звучало. Потому что если делать все по рецепту, то все и будет идти как надо.

В животе урчит. Уже во второй раз, но сейчас довольно громко. Бабушка смеется:

– Ну, засиделась ты у меня, надо же и дома показаться.

Попалась. Неужели настолько очевидно, что я не хочу возвращаться домой?

Бабушка вытирает руки о фартук:

– Я не знаю, что там стряслось, Мария, но уверена: родители все поймут.

– Боюсь, на этот раз ты ошибаешься, – шепчу я так тихо, чтобы она не слышала. Вместе мы возвращаемся в торговую зону, и бабушка протягивает мне куртку.

– Ступай, ступай.

Киваю и прощаюсь с ней. На улице идет снег. Крупные хлопья бесшумно падают с неба. Открываю рот, и снежинки падают мне на язык. Тут слышится стук. Это бабушка из пекарни стучит в окно витрины.

– Этим ты не наешься, – кричит она и жестами показывает, чтобы я шла к лыжной базе. Показываю ей язык и бегу обратно к деревне.

Родители как раз провожают последних посетителей с детьми. Издалека машу им рукой, уже чувствуя угрызения совести, потому что в пекарне я задержалась дольше, чем они, возможно, предполагали.

– Ненадолго забегу к бабушке, да? – притворно-строго спрашивает мама, демонстративно поглядывая на часы.

– Уж думали, и не объявишься! – говорит папа. – Но почему ты вообще приехала так рано? Ты получила травму? – Он тут же внимательно меня оглядывает.

Качаю головой. Он прижимает меня к груди. Папин запах тоже ни с чем не спутать: от него пахнет воском для лыж и елкой.

– В чем же дело? Каникулы ведь начинаются только через две недели.

– Да, – киваю я. Ничего другого в голову мне не пришло.

Папа меня отпускает и спрашивает прямо:

– Что случилось?

Я избегаю его взгляда. Затем набираю в грудь побольше воздуха и выдаю:

– Сюзанна отправила меня домой.

– Что-о? – одновременно ахают родители.

– Нас, всех нас отправила, – поспешно добавляю я. – Всю группу.

Тяжело сглатываю. В воздухе повисает следующая серьезная ложь.

Родители недоуменно смотрят на меня. Ладно, будь что будет, думаю я и вру дальше:

– Там несколько человек заболело. Вроде как обычная простуда. Но Сюзанна решила перестраховаться.

– Ее понять можно. Не дай бог новая пандемия грянет, – говорит мама.

– В общем, вот поэтому Сюзанна отпустила нас на каникулы пораньше.

Папа смотрит на меня недоверчиво:

– А как же твои тренировки? Тебе же нужно оставаться в форме.

У меня начинает кружиться голова. Сама не понимаю, от голода или от лжи. Я крепче хватаюсь за папину руку, чтобы не потерять равновесие. Неожиданно понимаю, что вообще-то ничего не ела с завтрака.

– Ну хватит, Маркус. Ты только посмотри на нее! Какая она бледная! – восклицает мама и кладет руку мне на лоб. – Не стала бы Сюзанна просто так распускать группу, видимо, там действительно что-то серьезное. А вдруг и Мария заразилась? А ты ее в таком состоянии хочешь гнать в гору? Как так можно!

– Со мной все в порядке, – спешу я ее успокоить, хотя дурнота меня не отпускает. Я осторожно выворачиваюсь из-под маминой руки.

– Ну ничего, нет худа без добра. Ты можешь помочь нам здесь, на базе. Это станет замечательной рекламой: «Тренируйтесь с профи!» – декламирует отец.

Мама упирает руки в боки.

– Но не прямо сейчас! Пару дней Марии нужно поберечься.

А это неплохая идея: забраться в кровать, с головой накрыться одеялом…

– Помощь Марии была бы сейчас очень кстати, – спорит папа. – Лыжных инструкторов не хватает.

И тут на парковку въезжает белый микроавтобус. Дверь открывается, и из него высыпают молодые люди. Они смеются, дружески хлопают друг друга по плечу и выносят из автобуса лыжи.

– Как говорится, вспомни солнце…[1] – усмехается папа.

Вот и новые инструкторы прибыли! В нашей лыжной школе есть несколько постоянных инструкторов, которые живут в окрестных деревнях и потому задействованы каждый год. Но чтобы предлагать достаточно курсов разного уровня, на высокий сезон мы всегда нанимаем вре́менных работников.

Я присматриваюсь к новоприбывшим. Знакомых с прошлого года лиц не вижу. Но и это тоже нормально.

Внимание привлекает группа из четырех человек. Двое парней и две девушки. Старше меня, но ненамного. Одна девушка высокая, с густыми светлыми волосами. С некоторой завистью наблюдаю, как она расправляет по плечам свою гриву. Машинально тянусь к своим волосам, которые больше напоминают спагетти. Нужно еще подумать, как придать им объем. Один из парней поспешно забирает из автобуса багаж и лыжи и идет прямо к моим родителям. Он единственный из этой компании одет не в лыжный костюм, а в обычные джинсы и черную зимнюю куртку нараспашку. На шее у него болтается серебряная цепочка.

– Здрасьте, я Генри, – представляется он моим родителям. Меня же он как будто не замечает.

Мама вежливо кивает ему.

– Минутку терпения, пожалуйста, молодой человек.

– Нет-нет, мне бы с вами заранее переговорить, – нервно бормочет Генри и становится между мной и моими родителями. Нормально вообще?

– И это никак не может подождать? – спрашивает папа.

Генри качает головой и подается чуть вперед:

– Это насчет экзамена.

– Экзамена на лыжного инструктора? – тут же уточняет мама.

Генри кивает и делает еще шаг к моим родителям. Я подступаю ближе и останавливаюсь прямо за ним. Достаточно близко, чтобы все слышать, но при этом достаточно далеко, чтобы не казаться навязчивой.

---

[1] Выражение «вспомнишь солнце – вот и лучик» (или «вспомнишь солнце, а вот и оно») – это идиома, которую говорят, когда человек появляется ровно в тот момент, когда о нем заговорили или подумали. (*Прим. ред.*)

– Я не получил удостоверение.

Родители на миг теряют дар речи.

А меня прорывает.

– Ты не сдал экзамен? – удивленно спрашиваю я.

Он поворачивается ко мне.

– Это частный разговор, – огрызается он. – Подожди… – Он кивает на микроавтобус. – Вон там подожди.

– Ну уж нет, – отвечаю я.

Генри нервно косится на меня, но тут приходит в себя моя мама и спрашивает:

– Как же это могло случиться?

Генри подтягивает свои слишком свободно сидящие штаны.

– На самом деле не все так страшно, все под контролем. Теорию я сдал. Осталась практическая часть, только вот…

– Что там еще? – строго спрашивает папа.

Генри вымученно улыбается, снова поддергивает штаны. Концы штанин волочатся по снегу и уже все мокрые.

– Я забыл свои лыжи дома, – тихо признается он. При этом они у него в руках.

Я, кажется, ослышалась?

– Что ты сделал? – переспрашиваю я.

Как можно быть таким глупым?

Генри оглядывается на меня:

– Ты еще здесь? Сказал же, подожди в сторонке.

Я скрещиваю на груди руки. Смотрю ему в глаза – кстати, очень красивого цвета, медово-карие, – затем на лыжи, которые он держит в руках.

– Лыжи, говоришь, забыл?

– Так это не мои. Это лыжи Лу! – Он показывает на девушку с пышной гривой.

– И почему же это у тебя лыжи Лу?

Кто вообще приезжает на экзамен по лыжной подготовке в джинсах и кедах и таскает при этом вещи других людей?

Генри игнорирует мой вопрос и снова обращается к моим родителям:

– Я исправлюсь. Через две недели переэкзаменовка. К тому времени лыжи у меня будут, и я все досдам. Честное слово. Только не выгоняйте, пожалуйста.

Родители переглядываются.

– Провал по всем фронтам, парниша, – говорю я жестко, но Генри не обращает на меня внимания, смотрит только на моих родителей.

– Если бы решать нужно было мне, я бы его сразу домой отправила, – заявляю я родителям.

– Но ты тут ничего не решаешь, – фыркает Генри.

– Это ты так думаешь, – парирую я. Он растерянно смотрит на меня и, кажется, только сейчас осознает, что и со мной предстоит считаться.

– Я могу взять группу новичков, а Генри тогда отправим в Страну Хуберта, – предлагает мама.

– Без удостоверения он не может работать даже с детьми, – не соглашается папа. – Поэтому ему понадобится напарник.

Тут же мои родители смотрят на меня. Нет, пожалуйста, только не Страна Хуберта!

– Мне же нужно беречь себя, сами сказали, – напоминаю я.

– Так ведь напрягаться там и не придется, – отвечает папа.

– Ну не на-а-адо, – молю я.

Генри поднимает руку, как школьник на уроке:

– На Страну Хуберта я согласен. Мне эта идея очень нравится. Сделаю все, что понадобится. Только я лучше буду работать с кем-то из моей компании, – он кивает на группу, стоящую поодаль, – чем с ней. Негатива от нее многовато.

Что, простите?!

Но мой отец не пожелал больше это обсуждать.

– Все решено! На первых порах Генри работает с Марией в Стране Хуберта. Присмотрится, освоится. А дальше посмотрим.

Он хлопает в ладоши и жестом зовет к себе остальных инструкторов.

Генри как будто расслабляется. Он даже не представляет, на что подписывается, потому что в Стране Хуберта нужно присматривать за малышами. Все лыжные инструкторы на стену лезут, когда им поручают работу в этом импровизированном детском саду, потому что до катания на лыжах там обычно не доходит. В основном приходится провожать детей до туалета, помогать им переодеться, следить, чтобы они не потеряли шапки и перчатки, подтирать носы или вытирать слезы.

Бросаю сердитый взгляд на Генри, который уже возвращается к своим друзьям. Собственную «ссылку» в Страну Хуберта я расцениваю как наказание за свою трусость. Но почему работать мне предстоит именно с этим высокомерным придурком, который приехал работать лыжным инструктором – и забыл свои лыжи?!

Глава 2
11 декабря

На следующее утро я, совсем невыспавшаяся, бреду в ванную и долго смотрю на свое отражение в зеркале. *Успеха ты не приносишь.* Всю ночь эти жестокие слова крутились у меня в голове. Поэтому я почти не спала. И это видно: под глазами залегли глубокие тени. Невольно я начинаю думать о Лу, лыжи которой носил вчера Генри. Ее лицо идеально. Нос не очень большой, губы не очень тонкие, глаза блестят. И длинные, густые волосы. Беру прядь своих волос и некоторое время рассматриваю секущиеся кончики. В парикмахерскую надо, вот что! И желательно до Рождества.

Так еще и прыщ на лбу вскочил, будто без него мало мне проблем. Тут же начинаю его давить, но все становится только хуже. Просто отлично. Лезу в мамину косметичку и, к счастью, нахожу там тональный крем. Мысленно добавляю в свой воображаемый список дел к записи в парикмахерскую еще и поход к дерматологу. Затем беру с полки резинку для волос и заплетаю косу, как обычно.

Иду на кухню. Мама, как оказывается, уже на ногах.

– Как дела? – спрашивает она, едва я появляюсь на кухне, и как-то уж очень долго и пристально смотрит на мой лоб.

Я поспешно отворачиваюсь, начинаю готовить кофе.

– Все хорошо.

– Надеюсь, ты все же не заразилась и через пару дней возобновишь тренировки. Можешь тренироваться здесь, у нас, в интернат возвращаться вовсе необязательно.

И она улыбается. А у меня сводит желудок.

– А папа где? – интересуюсь я, чтобы сменить тему.

– Внизу, в кабинете. Нужно провести инструктаж для новичков-тренеров. – Она посылает мне воздушный поцелуй и выходит из квартиры.

Наша лыжная школа – единственная в окру́ге. Наших сотрудников легко можно узнать по красной манишке с надписью *«Лыжная школа Хубертус»* и фирменной эмблемой, на которой лыжница съезжает с крутого склона. Это я.

Папа так мной гордится, что три года назад использовал мое фото как новый логотип для школы. Даже мою косичку там видно, ни с кем не перепутать.

Я падаю на стул и отхлебываю кофе, поглядывая на свежие булочки в корзинке на столе. М-м-м, как же вкусно они пахнут! Обычно бабушка отправляет нам с утра пораньше свежую выпечку. Сейчас я ищу в корзинке кое-что определенное. И точно, бабуля упаковала мне круассан. Разворачиваю его и с наслаждением съедаю. Слоеное тесто тут же тает во рту. Вот по этому я действительно скучала. В интернате нам на завтрак давали только бутерброд с колбасой и сыром и мюсли, которые, впрочем, не заслуживали так называться. Я едва могу поверить в свое счастье, когда обнаруживаю в корзинке и второй. Этот я приберегу на дорогу к Стране Хуберта, чтобы было чем зарядиться в первый день подработки в детском саду.

На площадке между нижней станцией и самим подъемником уже много семей, которые ждут начала лыжных курсов для их детей. Звучит сирена, и подъемник заходит на первый круг.

– Ох, поверить не могу, это же наша чудо-детка! – слышу я знакомый голос. Люди вокруг с любопытством оглядываются на меня.

К щекам приливает кровь. Только один человек может называть меня чудо-деткой. И это – Зепп.

Я бегу мимо ожидающих, ловко ныряю под ограждение и оказываюсь рядом с Зеппом, который помогает детям у подъемника. Сколько я себя помню, зимой он работает на детском

подъемнике – мы так называем подъемник на холме для новичков. Он в темно-синей спортивной форме и ярко-красной шапке с помпоном. Я энергично пожимаю ему руку.

– Уже каникулы начались? – интересуется он.

Я киваю. В какой-то момент Зепп кое-что замечает.

– Ты что-то не в лыжных ботинках…

Я киваю в сторону Страны Хуберта, мол, мне туда.

Он недоверчиво качает головой:

– Что же ты такое натворила?

Прямо перед нами между планками турникета для считывателя карт застревает девочка. Подбегаю к малышке, освобождаю ее из ловушки и передаю Зеппу, так что ему остается только закрепить ее на подъемнике.

– Да просто в интернате какой-то вирус жуткий гуляет, и пока не до конца ясно, заразилась я или нет, – на удивление уверенно поясняю я. – Вот родители и решили, что мне нужно пару дней поберечься.

Зепп кивает:

– Разумно. Только заболеть в самый разгар сезона тебе не хватало.

Я поспешно прощаюсь с Зеппом, пока он не продолжил расспрашивать меня, и спешу дальше к Стране Хуберта.

Там есть все, что может порадовать детей. Например, так называемый «волшебный ковер», который на самом деле – конвейерная лента, движущаяся вверх по холму. А по пути на вершину детям встречаются пузатые снеговики. Есть тут и вигвам, где дети любят прятаться. И конечно, всегда рядом маскот нашей лыжной школы – песик Хуберт.

Развлекать детишек в костюме пса в человеческий рост – высшая степень наказания. Уж лучше провожать трехлеток до туалета всю смену.

Мама разделяет детей на группки. Ее лицо прямо-таки светится от радости. Сезон начался всего пару дней назад, и для нее самое начало работы – всегда особенный момент, когда лыжная база пробуждается ото сна, точно замок Спящей красавицы, и все там оживает.

Подъезжает микроавтобус, и оттуда выходят наши новые сезонные инструкторы. Я наблюдаю, как они выгружают из багажного отделения свои лыжи. Все, кроме одного. Но сегодня он, по крайней мере, в лыжных штанах, ветровке с капюшоном и зимних ботинках.

Папа встречает отряд инструкторов-новичков.

– Надеюсь, этот парень будет единственным исключением, – ворчит он, указывая подбородком на Генри. – Еще одного такого не-инструктора мы себе позволить не можем. Мы ведь могли бы создать еще пять групп. Оглянись. – Он широким жестом обводит компанию людей, толпящихся вокруг нас.

Лу, Генри и их друзья подходят к нам первыми. Даже если они хотят это скрыть, я буквально чувствую их напряжение перед первым рабочим днем.

Лу протягивает мне руку:

– Ты ведь Мария, да?

Я киваю.

Она тут же поворачивается к своим друзьям:

– Говорила же! – И снова ко мне: – Мы так рады с тобой познакомиться. – Она прямо сияет. – Что ж, Генри ты уже знаешь. Я Лу, а это Феликс и Конни.

Я киваю Феликсу и Конни, которые несколько робко поднимают руки в знак приветствия, но улыбаются мне так же широко и открыто.

Папа кладет руку мне на плечо:

– Не обижайтесь на то, что я сейчас скажу, но вы никогда не будете так хороши, как Мария. Собственно, вы и не должны! Самое главное, – тут он строго смотрит на Генри, – ваши удостоверения лыжных инструкторов.

Генри остается невозмутимым:

– Я же обещал, что все улажу. Через две недели сдам переэкзаменовку, и проблема, считайте, решена.

– Твои лыжи уже выслали?

Генри кивает. Папа переводит взгляд на те лыжи, что Генри прямо сейчас держит в руках. Как и вчера, он почему-то носит лыжи за Лу.

– Пока они не прибудут, можешь брать лыжи из нашего проката, – говорит папа и поворачивается к Лу, Феликсу и Конни: – Идемте, я представлю вас вашим новым группам.

Лу на ходу достает из кармана куртки блеск для губ, начинает их подкрашивать. А Генри, вместо того чтобы отдать ей ее лыжи, просто тащится за ней. У меня отвисает челюсть.

– А ты мои понесешь? – спрашивает Конни Феликса и кокетливо хлопает ресницами. Но Феликс только фыркает и следует за остальными. Мы с Конни переглядываемся. – Ну да, это же только Генри за Лу так ухаживает, – вздыхает она и взваливает лыжи на плечо.

Я просто не могу поверить своим глазам.

Когда Генри возвращается, я упираю руки в боки.

– Так почему ты носишь лыжи Лу? – интересуюсь я.

Генри пожимает плечами.

– Просто я очень обходительный, – бормочет он.

Я качаю головой. Понятно, конечно, что лыжи носить неудобно, но любой здоровый человек в состоянии это делать. И неважно, юноша или девушка.

– Ну что, сейчас заберем? – спрашиваю я. – Пока еще есть время до начала смены.

Генри округляет глаза:

– Кого заберем?

– Не *кого,* а *что*. Лыжи напрокат.

– А, это. Да ладно, попозже их возьму.

Он почему-то смотрит на мой лоб и хмурится. Я инстинктивно отстраняюсь. У меня что-то на лбу? Стараясь не привлекать лишнего внимания, потираю его перчаткой. И тут я вспоминаю: прыщ! Тут же вся кровь бросается в лицо. Я и забыла совсем.

– Сегодня хотя бы костюмчик подходящий, а? – пытаюсь я отвлечься от своей главной проблемы.

Генри улыбается, и на его щеках появляются две милые ямочки. Он раскидывает руки в стороны и кружится на месте.

– Круто, да?

Проходящие мимо лыжники вынуждены уклоняться от его раскинутых рук, пригибаться под ними, но он, похоже, не понимает, что создает неудобства. Просто любуется собой. Позер. Впрочем, стоит признать – темно-зеленые зимние штаны, черная ветровка с нагрудным карманом и черные зимние ботинки отлично сочетаются с его растрепанными волосами и медово-карими глазами. Куртка не до конца застегнута, и серебряная цепочка подпрыгивает на его груди, когда он крутится. Я не могу сдержать улыбку.

В какой-то момент Генри останавливается и его лицо приобретает серьезное выражение.

– Вчера мы как-то не очень хорошо начали общение. Но сегодня от тебя гораздо больше позитива. И так намного лучше! Уверен, мы вместе отлично повеселимся.

Я вскидываю брови. А я вот что-то совсем не уверена.

– Да, прикид симпатичный. Но ты ничего не забыл?

– А чего я забыл? – спрашивает он, расправляя штанины поверх ботинок.

Я жду, пока он закончит, и показываю на себя сверху вниз.

– И ты тоже очень мило выглядишь, – отвечает он, но звучит не совсем убедительно.

– Я не об этом. – И снова я показываю на себя.

Он хмурится и слегка трясет головой.

– Ты устроился на работу в лыжную школу, – намекаю я.

Он кивает.

– А что носят лыжные инструкторы? Ну-у-у? – Нет, он, похоже, не въезжает. – Униформу лыжного инструктора! – восклицаю я.

Тут он снова таращит глаза.

– Вот черт, я и забыл!

– В кабинете висит несколько комплектов. Можешь переодеться там. Я тебя подожду.

– А это прямо необходимо? – спрашивает он.

Я начинаю терять терпение.

– Да, необходимо. И я бы на твоем месте поторопилась, потому что мой отец очень не любит, когда лыжные инструкторы не придерживаются правил. Ты же не хочешь вылететь в первый рабочий день?

Вообще-то мой отец не стал бы за это никого увольнять, и уж тем более сейчас, когда у нас мало сотрудников. Но Генри-то этого не знает.

Мои слова его все-таки впечатляют, потому что Генри, бросив «Ни в коем случае», тут же направляется в кабинет. Так-то лучше.

Униформа ему явно не нравится. Куртку он застегивает лишь наполовину.

– Так лучше? – спрашивает он, и в его голосе сквозит раздражение.

Я киваю, и мы идем к Стране Хуберта.

Но тут мне кое-что приходит в голову, и я останавливаюсь.

– Чуть не забыла, – говорю я и достаю из кармана куртки спичечный коробок. – Нужно прояснить еще один важный момент.

Тут меня кто-то дергает за штанину. Я оглядываюсь и смотрю вниз. Это вчерашняя девчушка. Она протягивает мне свою перчатку, всю облепленную снегом – наверное, уронила. Ее ручка уже совсем красная от холода. Но прежде чем я успеваю как-либо среагировать, Генри опускается перед малышкой на колени.

– Как тебя зовут? – спрашивает он, надевая ей перчатку. Другой рукой девочка вытирает нос и показывает на облака, которые скрывают солнце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.